

Марина Чигиринова

Кровавый квест

Марина Чигиринова

Кровавый квест

«Автор»

2026

Чигиринова М. В.

Кровавый квест / М. В. Чигиринова — «Автор», 2026

На квесте, в старинном особняке, произошло жестокое убийство молодой женщины. Из города приезжает опытный следователь Антон Семенович для поиска преступника. Кажущийся хаос в его расследовании подчинен странной интуитивной логике. Мотив преступления все еще не найден, а вскоре происходят и другие события, погружающие готический замок во мрак и ужас. Пролитая кровь и подстерегающая всех опасность обостряют чувства людей и обнажают их истинную сущность. Вопросов пока больше, чем ответов. Что привело столь разных людей на этот квест? Кто ходит ночью по темным коридорам, уставшего от людей, особняка? С какой целью старая дама, пугает всех призраками и мстостью непогребенных в подземелье? Позволит ли нестандартная логика следователя найти преступника?

© Чигиринова М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Знакомство с игроками	5
2. Ужин в рыцарском зале	10
3. Первые допросы	16
4. В библиотеке	20
5. Магия букв	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кровавый квест

1. Знакомство с игроками

– Мне начинает здесь нравиться, – тонкими пальцами в кольцах Женестьева гладила бархатную обивку дивана и бросала выразительные взгляды на Арсения.

– Да, прикольноенько, – откликнулась, сидящая на краешке стула, Мия, похожая на воробья.

«Странно, откуда у этих студентов деньги на элитный квест?» – думала Женестьева, пренебрежительно рассматривая трех друзей, которые старались держаться отдельной стайкой. Чувствовалось, что в их компании верховодит Арсений, высокий симпатичный парень с темными выющимися волосами, на которого Мия смотрела влюбленными глазами. А Михаил, третий студент, выглядел отрешенным и инфантильным. Он все ронял, был рассеян, забывал, где разбросал одежду в этом большом доме, и категорически не запоминал имен соседей, с которыми его свела судьба на ближайшую неделю.

– Послушайте меня, пожалуйста! – постучал по стакану Лев Павлович, организатор квеста. – Всем удобно? Вы заселились, разложили вещи? Вечером у нас состоится первый совместный ужин, на котором я представляю участников квеста и расскажу об условиях игры. Но я хочу порадовать вас прямо сейчас! Иван Арнольдович из своих средств вдвое увеличил сумму банка, дабы усилить остроту схватки. Ура, господа! Похлопаем и поблагодарим его!

Раздались жидкие беспорядочные хлопки, а Иван Арнольдович приподнялся с удобного кресла и подчеркнуто вежливо кивнул собравшимся. Он был одним из самых старших участников квеста, за исключением Эммы Генриховны, старой развалины, которая непонятно зачем решила участвовать в молодежной игре. Иван Арнольдович производил впечатление богатого и респектабельного человека, одетого весьма консервативно в коричневый твидовый пиджак, белую рубашку и синие джинсы и, несмотря на искусственную гладкость его свежего лица и отсутствие седины в явно крашенных волосах, можно было догадаться, что ему уже изрядно перевалило за пятьдесят.

Лиза, подруга Женестьева, откуда-то слышала, что у него медовый месяц и они с супругой решили его провести столь оригинальным образом. Молодая жена непонятного возраста, элегантно скрестив стройные ноги, присела на подлокотник кресла мужа и что-то нашептывала ему на ухо.

– Простите, милый Левушка, а вы расскажете об этом прекрасном особняке, где нам предстоит жить эту неделю? – проскрипела из темного угла под торшером Эмма Генриховна.

Лев Павлович на секунду растерялся, Левушкой его называли только в детстве. Конечно, он был не так стар, как некоторые участники квеста, ему уже через четыре года исполнится сорок, но все же и ребенком себя не чувствовал. Оторопев от такой фамильярности, внимательно взглядевшись в лицо старушки, собранное в добрые морщинки, он решил не обижаться. И ответил, обведя публику приветливым взглядом, подкрепленным ослепительной дежурной улыбкой:

– Вечером я раздам вам буклеты великолепной полиграфии, посвященные истории этого особняка, построенного архитектором Сильвио Амвросиевичем Данини в стиле историзма с элементами готики. Там вы увидите и этапы его реставрации, и как велось его восстановление, и каким он был в момент приобретения его нынешним хозяином, любезно предоставившем его для проведения квестов. Особенно интересна, почти детективная, история его меблировки и подбора декора. Вот, например этот гобелен, висящий за диваном, 1689 года, был приобретен на аукционе...

– Мы все это прочтем в буклете! Верно? – нетерпеливо перебила его Ирэна Васильевна. Конечно, ее можно понять – в медовый месяц, который бывает раз в жизни, хотелось тратить время на что-то более приятное, чем беседы о пыльных вытертых гобеленах. Хотя, глядя на нее, казалось, что у нее медовый месяц далеко не первый а, возможно, и не второй. При более близком рассмотрении она не казалась уж очень молодой и что-то хищное просматривалось в ее лице и змеином изгибе тела. – У нас еще столько дел до ужина, нужно осмотреть парк, навести красоту и переодеться к столу.

– Переодеться... – задумчиво повторила Мия, вспоминая, взяла ли она что-то кроме спортивных штанов, толстовок и худи.

Пока все покидали гостиную, открылась незаметная дверь в дубовых панелях стены, справа от камина, и из нее вышел человек, вся одежда которого была изрядно потрепана. Джинсы и куртка были в дырках, и даже на козырьке бейсболки помимо нескольких блестящих колечек, висела неопрятная бахрома. Эмма Генриховна ничуть не удивилась этому, она была в курсе тенденций молодежной моды, хотя и совершенно не одобряла их. Человек был молод и порывист в движениях. Он подошел ко Льву Павловичу и что-то встревоженно сообщил ему на ухо. А Лев положил ему руку на плечо, явно успокаивая неуравновешенного парня, и громко произнес:

– Это наш гений, программист и пиротехник Харитон. Он будет осуществлять всю техническую поддержку квеста. Ведь, несмотря на аутентичный вид особняка, у него современная начинка, то есть это – умный дом. Если вы понимаете, о чем я.

Позже Харитон познакомит нас со всеми его секретами. А сейчас он извиняется, что не сможет сегодня посетить наш ужин. Но мы простим ему это. Верно?

Те, кто еще не успел выйти из гостиной, не выдали никакой реакции на слова Льва. Но его это нимало не расстроило, он собрал свои бумаги с журнального столика и зачарованно глядя в экран своего телефона, задумчиво пошел за остальными к выходу.

Погода нарушила планы большинства участников квеста, стремящихся начать знакомство с готическим ансамблем с прекрасного парка, похожего в плане на разрезанное яблоко, где в сердцевине с косточками находился замок и немногочисленные службы, а песчаные дорожки широкой паутиной, разрезавшие аккуратные, все еще зеленые газоны, сходились у его входа. Налетел сильный ветер, прижавший к земле кусты роз на декоративных клумбах в форме загодочных вензелей, стремясь именно сейчас положить начало неизбежному началу осени, срывая еще зеленые листья с лип. Едва успевшая выйти на улицу Ирэна, прижалась к мужу, ища защиты от резких порывов ветра. Но обнимая его, не успела удержать черную шляпу с широкими полями, которая, крутясь колесом, ускользала от нее по дорожке. Иван Арнольдович растерялся, не зная, что делать – спасать даму или ловить шляпку. Если бы не Харитон, то столь неуместный здесь элемент гардероба был бы безвозвратно утрачен. Молодой программист с небольшим рюкзаком за спиной,двигающийся в этот момент в сторону выхода из парка, сделал прыжок в сторону и ловко ухватил вертящуюся шляпу за поля.

– Осторожно! Не помните ее! Вы даже не представляете сколько она стоит! – взвизгнула Ирэна, высокомерно принимая шляпу из рук Харитона.

Наблюдавшая с порога эту сцену Елизавета, как ни старалась не заметила на лице Харитона абсолютно никакой обиды. «Вот вам и человеческая благодарность... Интересно куда он срывается в такой поздний час, учитывая то, что он только сегодня заехал сюда? А ведь это как-никак его работа!» – думала она с растущим в душе раздражением. Неужели ее раздражало его отсутствие только потому, что только он один, из всех присутствующих мужчин, вызвал у нее интерес. Это волнение было для нее совершенно непривычно. Обычно необщительная, она с трудом шла на контакт с молодыми людьми и ее единственный, неудачный роман закончился еще в девятом классе. И вот он уезжает!

Это Женьке, в смысле Женеьеве, везет. Она живет как мотылек, легко, не задумываясь, идя на поводу своих страстей и сиюминутных желаний. Вон как она тарасилась на этого красавчика Арсения! Этого студента в драных джинсах! Да он намного моложе нее! Бедный студент. Хотя вряд ли бедный. Этот квест не из дешевых. Они так загорелись поучаствовать в нем, и Лиза еле набрала нужную сумму, которую потом долго придется отдавать, лишая себя многих удовольствий. Еще и цена квеста на сайте квеста непрерывно росла. Даже от Женеьевы она скрывала цель, ради которой она приехала сюда и была готова многим пожертвовать. Но это не значит, что она откажется от победы! Ведь можно выиграть банк. Он просто огромен. И тогда... Но нет, делить шкуру неубитого медведя раньше времени она не хотела. Но оценивала свои шансы очень высоко. Она знала три языка, правда итальянский со словарем, и закончила математическую школу... но все же. И при этом она не собиралась лишить себя зыбкого шанса обратить на себя внимание этого интересного загадочного парня, программиста.

– Ты выходишь илиходишь? – это Ирэна Васильевна грубо оттолкнула задумавшуюся Лизу, поднимаясь по ступеням к двери в замок.

Иван Арнольдович бережно поддерживал супругу под локоть и уделил Лизе ровно столько же внимания, сколько деревьям в парке и мебели во особняке, а может, и меньше того. А Лиза задержала свой взгляд на молодожене, и сочла, что несмотря на явно искусственные ухищрения омолодиться, он не выглядел смешным, а наоборот интересным и респектабельным. «Американский сенатор», – почему-то подумала она, и всплыла за ними в теплый вестибюль особняка на волнах ароматов парфюма, распространяемых немолодой парочкой.

– Где ты ходишь? – манерно растягивая гласные, Женеьева обратилась к подруге, игнорируя молодоженов, поравнявшихся с ней на лестнице. – Возникло некоторое недопонимание по нашему заселению. Пойдем разбираться! А то ты, как всегда, прозеваешь самое главное.

Почему-то Женеьева считала Лизу какой-то недотепой, заучкой, совершенно неприспособленной к жизни, и поэтому взвалила на себя тяжелую миссию заботиться о ней, иногда грубо и бесцеремонно вторгаясь туда, куда ее не просят. Лиза спокойно последовала за подругой по длинному широкому коридору второго этажа с высокими арочными перекрытиями.

И если на первом этаже почти все пространство занимал огромный зал с тяжелым дубовым столом посередине, помимо еще каких-то, по-видимому, хозяйственных помещений, которых девушки еще не видели, то второй этаж был отведен под спальни, куда заселили участников квеста, и просторную рекреацию с фикусами и пальмами, что-то вроде зимнего сада, или холла.

– Ты представляешь, к нам подселили эту сопливую студентку, Мию?! – жаловалась Женеьева, как только они остались с Лизой одни в коридоре.

– Почему сопливаю? По-моему, она вполне нормальная девушка. Кто это сделал? – все также равнодушно, погруженная в свои мысли, отреагировала Лиза.

– Это горничная. Она такая... Прямо – дракон! Спорить с ней бесполезно!

– Ну и не будем спорить. Мы же не на всю жизнь заселились. К тому же втроем гораздо веселее.

– Вот, будет уши греть! Не поговоришь! Вон она, смотри, дракониха! – Женеьева глазами показала на удаляющуюся фигуру женщины в темно-синем платье и с белым бантом сзади на талии, наверное, завязкой от передника. Голову ее оттягивал назад объемный узел темных волос.

«Ничего особенного!» – подумала Лиза, заметив, что Женя явно побаивается эту горничную, что на нее совершенно не похоже. А «дракон», повилявая широкими бедрами, и не оглядываясь, скрылся за поворотом, очевидно, в сторону ризалита. Сложная планировка этого здания запутывала, тут вполне можно было заблудиться. Хотя, наверное, так кажется в первый день. Женеьева широко распахнула дверь в их спальню, сделав выразительную гримасу, как бы говоря: «Вот смотри!»

На оформление этой комнаты дизайнеры не пожалели текстиля. На стрельчатых окнах, узких как крепостные бойницы, висели тяжелые бархатные портьеры винного цвета, такого же цвета был балдахин над кроватью, и тем же бархатом были обиты банкетки, кресла и маленький диванчик. Дизайнеры добились своей цели, погрузить гостей этого дома в другое время и интригующую реальность. Помимо центральной кровати, была еще одна у стены и узкий диванчик, на котором скромно расположилась Мия, вываливая возле него, прямо на ковер, вещи из чемодана.

Только сейчас Лиза хорошенько разглядела Мию. Нет, все-таки она была больше похожа на вороненка, чем на воробья, иссиня черными волосами, торчащими вверх на макушке и с длинной синей челкой, падающей на лицо. Несмотря на то, что было прохладно, она сняла худи, обнажив худенькие белые ручки все в татуировках. Скромность в выборе кровати, прямой взгляд широко открытых глаз девушки и добрая приветливая улыбка сразу расположили Лизу в пользу Мии. Казалось, что и Женестьева дрогнула и передумала скандалить, хотя до этого явно собиралась.

– Был еще вариант, что Эмма Генриховна переселится к вам, но она сразу воспротивилась этому, и заняла единственный одноместный номер в этом крыле, – читая их мысли оправдывалась Мия.

Всех предупредили, что второе крыло еще на реставрации. Ирэна переживала, что будет пахнуть краской, на что организатор ее успокоил, что работы временно прекращены. Все подумали, что у владельца возникли проблемы со средствами. Возможно, поэтому он и зарабатывает, пуская сюда любителей квестов.

– Ну что, будем знакомы, нас зовут Женестьева и Елизавета. А ты, как мы слышали, Мия? Приятного нам отдыха тут! – неожиданно сказала Женя, не колеблясь усевшись на единственную роскошную кровать под балдахином. Она отбросила тяжелое бархатное покрывало и убедилась, что белье уже постелено, а у девушек оно стопкой лежало в ногах их скромных лежанок.

– Да, Мия. Очень приятно. Здесь очень красиво!

– Что ты там ищешь в чемодане? – бесцеремонно спросила Женестьева.

– Вроде где-то была юбка для вечера... Я не очень-то люблю носить юбки...

– Да, нам нужно сегодня вечером выглядеть умопомрачительно! – и Женестьева бережно вынула из чемодана красное шелковое платье и повесила его на плечики. – Осталось немного погладить.

– А я набрала париков, а юбка только одна, – и Мия приложила к себе фантастическую юбку из черной сетки, топорщащуюся в стороны, как пачка у Одиллии. – Давайте примерим парики? Может поменяем внешность?

Мия разложила на низком журнальном столике целую кучу париков, русых, блондинистых, каштановых, лимонных, иссиня черных. Женестьева сразу же схватила один, с длинными русыми волосами.

– Можно примерить?

– Конечно! – а Мия с воодушевлением натягивала на макушку лимонный.

– Хотите быть клоунами? Зачем вам это? – с сомнением смотрела на них Лиза.

– Брось, померяй тоже! – Женестьева любовалась собой в новом образе с длинными русыми волосами, почти такими, как были у Лизы. – Вот, смотри, блонд. Тебе пойдет.

Куда делась та важная дама, которую строила из себя Женестьева буквально десять минут назад? Сейчас они с Мией наравне, хихикая примеряли один парик за другим, вертясь перед огромным, до самого потолка, зеркалом. Они выглядели ровесницами, хотя их разделяли-то всего лет пять, а то и меньше.

– Нет, Мия, тебе этот желтый не идет, бледнит! Лучше бордовый и к черному наряду... Как отлично! – Женя поразилась, как преобразилась Елизавета в светлом парике. – Еще немного боевой раскраски, вечернее платье и, мы – готовы!

В этот момент раздался робкий стук в дверь. Это оказался Михаил пришедший за Мией. Он робко мялся на пороге.

– Пойдем, подышим, посмотрим парк? – звал он Мию.

– А собираться? Я не успею...

– Там ужасная погода! Ветер, дождь начитается. Не советую. Завтра погуляете, – бесцеремонно вклинилась в их разговор Лиза, что было совершенно необычно для нее. Но эта девочка неожиданно вызвала в ней симпатию и желание ее опекать.

– О! Как у вас тут шикарно! Прямо дворец! – все еще не уходил Миша.

– У вас разве не так?

– Нет, интерьер интересный, а кровати – дешевый новодел. Пойдем к нам? Посмотришь.

Любопытную Мию долго уговаривать не пришлось, и она ушла к ребятам. И тут вдруг раздался грохот, как будто что-то ударилось в правую стену.

– Кто-то уже ломает дом! Пойдем! – Лиза, быстро сняв парик, вышла с Женеьевой в коридор. Там было тихо. В трех метрах вправо от них была еще одна дверь номера, они несколько раз постучали, но ответа не было.

– По-моему, это девчонки стучат. Наверное слышали, как ты уронил тумбочку. Что за манера все переставлять? – по-змеиному шипела мужу Ирена под соседней дверью, боясь, что ее услышат. Опасения были напрасны, двери были изготовлены на совесть и не пропускали звуков.

– Но ты же, милая, сама...

– Да, я хотела переставить, но кто же знал, что сломаешь тумбочку. Ну и номер! Как в дешевом борделе! Кровать в центре и балдахин – все розовое! У них нет вкуса! Только окна прекрасны! Попробуй, они открываются? Хотя нет, я сама, опять сломаешь, – Ирена подергала за ручки окон, но открыть не сумела. – Не бойся я попрошу молоток, и мы прибьем заднюю стенку тумбы. Хлипкая, на соплях, еле держалась.

– Это не розовое! Тут в буклете пишут – брусника со сливками. А шелк на стенах выполнен по рисункам французских мастеров, как было в этом замке до революции. И вообще, не волнуйся, дорогая, я оплачу ущерб. Не беда.

– Зачем тратить деньги? Застегни молнию сзади! – зазывно усмехнулась Ирэна, а графитовое атласное платье выгодно обхватило ее безупречную стройную фигуру. Иван решил пойти дальше и взяв кольцо с туалетного столика бережно застегнул его на длинной шее, открытой благодаря высокой прическе. Он прижался к ней губами, как будто пробовал на вкус, а потом стал покрывать поцелуями душистую кожу на спине в разрезе платья все выше и выше, к линии волос.

– Ты безупречна! Я счастливец. Наверное, мне тут все завидуют, – льстиво мурлыкал Иван как кот.

– Нам не повезло – рядом комната этих девиц. Будут шуметь, слушать музыку и не дай бог, устраивать у себя сборища!

– Здесь это запрещено! Зачем ты накручиваешь себя? – приятным баритоном убеждал Иван, разминая сигарету в длинных пальцах. Он умел убеждать. Это было его главным талантом.

– Не вздумай курить! Ты же обещал! – ее голос звучал, как голос дрессировщика.

Вдруг в комнате раздалось какое-то шуршание, а потом из скрытого где-то в драпировках, микрофона раздался голос Льва Павловича:

– Первый звонок. По третьему звонку ждем всех на праздничный ужин на первом этаже, в рыцарском зале.

Шуршание смолкло. В коридоре раздался быстрый топот, это Мия вернулась в свой номер собираться.

2. Ужин в рыцарском зале

Раньше, большой зал на первом этаже очевидно был оформлен как рыцарский зал, и от этой задумки остались только латы в углу и непонятный герб над камином, и сейчас все называли его просто залом или гостиной.

Интерьер к ужину настолько преобразился, что всем приглашенным на ужин показалось, что они попали в английский фильм о жизни лордов. Верхний свет был погашен, а по центру стола зажжены свечи в трех старинных жирандолях, хрусталь которых отбрасывал острые разноцветные лучи, зажигая искры в хрустальных бокалах и подсвечивая коллекционный фарфор.

Во главе стола, спиной к камину, в удобном кресле расположился Лев Павлович, как всегда, со стопкой листков и буклетов у столового прибора. По правую руку от него в кресла с высокой спинкой уверенно плюхнулись молодожены. Причем, Иван Арнольдович на несколько секунд замер, в нерешительности, как видно ожидая, что ему уступят главенствующее место. Ирена сверкала дорогими украшениями и белозубой улыбкой. Напротив них, по левую руку от «Левушки» устроилась Эмма Генриховна, которой он галантно отодвинул стул. Старушка утопала в волнах светло сиреневого шифона и кружева, гармонирующего с ее седыми буклями. На ее груди, на серебряной цепочке, висели очки с толстыми стеклами. Рядом с ней сели Арсений и Миша, а девушки немного задерживались.

Лев уже подумал, не дать ли четвертый звонок, когда распахнулась дверь и, тихо продолжая о чем-то перешептываться, появились девушки. Выглядели они феерично! Высокая Женева в ярко красном платье с обнаженной спиной, ее оттеняло черное пятно силуэта Мии, успевшей нанести на лицо неумеренный слой боевой раскраски, а замыкала тройку Елизавета в элегантной кожаной синей юбке и бежевой блузке. Лиза выглядела необыкновенно свежо и уверенно, радуясь, что не поддавалась на уговоры надеть светлый парик. Их появление вызвало ожидаемую реакцию – у большинства мужчин открылись рты, а Ирена скривилась, как будто проглотила что-то горькое. Миа замешкалась и села возле своих приятелей по левую руку от ведущего, а Женева царственно проследовала к столу и села на стул, отодвинутый успевшим подсутиться молодоженом, который тут же с улыбкой посмотрел на жену, давая ей понять, что это просто галантность и не более того. Елизавета привычно села сама, не ожидая милостей от судьбы, и оказалась прямо напротив Мии. Таким образом, с каждой стороны стола оказалось по четыре игрока.

– Предлагаю сначала перекусить, а уж потом обсудить наши дела и получить первое задание. Обратите внимание, что у каждого прибора – конверт с заданием, всего восемь конвертов. Каждый играет за себя. Здесь у нас не командный, а индивидуальный подход, – Лев начал вводить участников в курс дела, сразу же после представления участников, хотя все уже успели познакомиться, а потом поднял бокал с шампанским. – За наши будущие успехи!

Подошел похожий на касатку официант и снял крышки с блюд на столе, ослепительно блестящие серебром. Все были очень голодны и зрелище, открывшееся их глазам, зачаровывало. По центру стола на большом блюде нежно розовела нарезанная тонкими ломтиками рыба, ее лепестки закручивались виньетками и казалось, что из их воронок прорастала причудливая пурпурная и желтая зелень. Что пряталось под обильным декором на небольших овальных и круглых тарелках, оставалось только догадываться. Все это напоминало роскошный сад, полный экзотических цветов и морских гадов. Лучи от хрусталя в жирандолях тонули в содержимом графинчиков и рассыпались по вышитой скатерти. А запах, распространяемый этим великолепием, парализовал всех присутствующих. Все, кроме молодоженов, уже уверенно наполняящих свои тарелки, слегка растерялись, глядя на официанта, который как гид в музее, произносил непонятные для большинства слова: «...фаршированный лангустин, паштет из пулярки, шарики из осетрины с гарниром из взбитого сельдерея, мусака под соусом беша-

мель... и берегите силы для основного блюда – фрикассе из ягненка и, конечно, для сладкого. Оно вас удивит». Миша, как ребенок, услышав о сладком, зажмурился и так громко сглотнул, что кадык на его худой шее подскочил вверх, Арсений держался уверенно и всю ухаживал за Эммой Генриховной, справа от себя, которая смело налегала на шампанское, не выпуская из рук огромный бокал. Лиза растерянно смотрела по сторонам, а Женестьева, уже заботливо что-то подкладывала ей на тарелку.

Звучали тосты, и инициативу в разговоре перехватил Иван Арнольдович. Сразу чувствовалось его умение руководить и выступать перед большой аудиторией. Обстановка за столом становилась непринужденной.

– Давайте выпьем за прекрасных дам за нашим столом! – Иван не сводил взгляда с супруги, а та отвечала дежурной улыбкой.

– Итак, хочу сказать еще несколько слов о первом этапе квеста. Вы уже читали в материалах, что на каждый этап запланирован ровно один день? – снова взял слово Лев Павлович. – По мере прохождения заданий вы будете двигаться дальше, а не выполнившие задание, выбывают из числа игроков, но остаются в замке до конца квеста, наслаждаясь нашей прекрасной кухней и знакомясь с парком и окрестностями.

– Это понятно, так как мы оплатили все время пребывания, – не могла не вставить Ирэна и поперхнулась. Сначала как будто легко, но потом покраснела, и вытаращив глаза, из которых лились слезы, и прикрывая рот льняной салфеткой выбежала из зала. Иван Арнольдович пытался ей помочь, но она резко отстранила его руку, показывая жестами, что все в порядке, и она справится сама.

– Надеюсь, с Ирэной Васильевной все будет в порядке. А я продолжаю. Раз все заморили червячка, и пока нам несут фрикассе, несколько слов о первом задании, которое начинается завтра с восходом солнца, а ровно в девятнадцать часов, во время аперитива, мы подведем его итоги. Первое задание, как и большинство других, связано со стилем готики в архитектуре. Оглянитесь вокруг, этот зал прекрасно отражает его основные черты, стрельчатые окна с витражами, деревянный сводчатый потолок и многое другое. Несмотря на то, что особняк построен в стиле псевдоготики, архитектор Данини успешно заимствует основные элементы готического стиля, не перегружая небольшой по тем временам особняк: это и башенки, украшающие фасад, и крепостные зубцы над входом... – заметив, что слушающих его становится все меньше, и свою увлеченность архитектурой ему не удастся передать публике, которая отвлекалась на разговоры и на официанта, раскладывающего фрикассе.

Чувствовалось, что Арсений чрезмерно налегает на напитки, и его прекрасные темные глаза, которые он не сводил с Женестьева, обрели стеклянный блеск. Михаил по-приятельски болтал с Мией, тихо похихивая и прикрывая рот. Лиза только сейчас рассмотрела многочисленные колечки пирсинга не ее лице и безумное количество серебряных цепей на шее. Эмма Генриховна, чрезмерно увлекшись шампанским, не запьянела, к удивлению окружающих, а обретала все большую живость и разговорчивость.

– Если нас так будут кормить, то к концу квеста я не влезу ни в одно платье, – шептала Лиза Женестьева, но та не слышала ее, не отводя взгляда от Арсения, который делал ей какие-то непонятные мимические знаки.

– В выданных вам конвертах содержатся намеки на то, как искать подсказки. А сами подсказки вы найдете по дорожной карте, которая приложена к ним. Они могут располагаться как в помещениях особняка, так и в парке, в пределах его ограждения. К завтрашнему вечеру вы должны будете получить первое слово, которое ляжет в основу создания вашей итоговой версии решения тайны особняка Данини, – продолжал Лев, но его мало кто слушал.

– ... это был мой зять, скончавшийся еще в девяностых. Его жена, моя дочь, погорела-погоревала, и уехала в Италию, где снова вышла замуж. Так вот, на экскурсии по Европе,

которую мне подарила дочь, мне довелось... – довольно громко, обращаясь к Арсению, рассказывала старушка. – А где мы можем покурить? Здесь?

Вернулась, вытершая слезы, и поправившая косметику Ирэна и поддержала старушку, вынув из маленького клатча длинную сигарету. Большинство потянулись вслед за Львом, который обещал показать курительную комнату, называвшейся «восточной диванной», и даже те, кто не курил, присоединились к ним, стремясь поддержать компанию и продолжить начатые разговоры.

– Посмотрите, молодежь-то теперь у нас почти не курит? Все на ЗОЖе? Портрет потребителя сигарет – это, вероятно, малообеспеченные слои населения и дамы элегантного возраста, – вещал вальяжно развалившийся на ковровом диване Иван Арнольдович.

– Спасибо, за эпитет – элегантный, – хихикала, мелко колыхаясь, раздумываясь Эмма Генриховна, напоминая большую сиреневую астру.

– Не удивлюсь, если кто-то из молодежи еще бегаёт по утрам трусцой. Признавайтесь, – продолжал развивать свою мысль молодожен.

– Да, я бегаю, – с вызовом посмотрела ему в глаза Лиза, а он остановил на ней свой взгляд, как будто видел впервые.

– Похвально, похвально...

И тут, в дверях диванной появился Арсений, видно было, что он нетверд в ногах и громко зашептал Мише, сидящему рядом с Мией, тонушей в облаках дыма:

– Там убрали рюмки и накрыли чай. Может, пойдем в наш номер, продолжим? – но тут он замолчал и его взгляд остановился на Женеьеве, рассматривающей гравюру на стене, на которой был изображен то ли татарин, то ли украинец в широких шароварах и с необычным кальяном.

– Да, давайте попьем чаю, – не расслышав как следует, слова Арсения, Иван Арнольдович взял под руку Ирэну и решительно двинулся к двери, а за ними пошли и остальные.

Арсений, как только все ушли, подошел к Женеьеве. А Елизавета, ждущая в дверях, заметила страстные взгляды, которые они бросали друг на друга, и не разобрав ни слова в их шепоте. Она решительно вышла из диванной, раздраженно думая о том, что Женеьева в своем репертуаре, и снова вляпается в бессмысленный романчик с парнем, который намного моложе нее!

Больше раздражало в ней, легкость, с которой Женеьева смотрела на жизнь, стремление от всего получать удовольствие, даже от мелочей, на бегу, часто совершаемые ею ошибки, не научившие ее ничему. Она не откладывала счастье на потом, как Лиза. И это, по-видимому, служило магнитом, который притягивал к ней людей. Или, может, она просто завидовала подруге и ее романам? Возможно. Но она ни за что бы не призналась в этом даже себе самой. Сама же Елизавета семь раз отмеряла, прежде чем что-то сделать, ко всему относилась серьезно, ничего в жизни ей не доставалось легко, и ей совершенно была несвойственна эта беспшабашная влюбчивость Женеьевы. Если она полюбит кого-то, то это будет навсегда, серьезно и взвешено.

Пирожные, действительно были волшебные, но уже никто не смог отдать им должное, маленькими глотками смакуя кофе и чай.

– Вы не боитесь пить на ночь кофе? Ведь... – беспокоился Лев Павлович о своей соседке по столу Эмме Генриховне.

– Левушка, вы хотели, вероятно, намекнуть на мой возраст? Но, понимаете ли, я его совершенно не чувствую. Я все та же девочка, которой я была лет семьдесят назад, только в морщинках. К тому же я очень люблю кофе, так зачем себе в этом отказывать? Неизвестно сколько мне осталось, а удовольствий становится все меньше и меньше... Но в моем возрасте есть и масса преимуществ. Когда станете таким юным, как я, вы поймете, – весело засмеялась

старушка, запрокинув голову назад и демонстрируя морщинистую, и худую как ножка курицы, шейку.

– Уважаемые игроки, я вынужден откланяться. Завтра много организационной работы. Вы если хотите, еще посидите, – и «Левушка» поспешно сбежал от веселой и прилипчивой Эммы.

– Нам тоже пора, – забрав со спинки стула клатч, встала Ирена.

А Иван, казалось, что-то хотел ей сказать, возможно хотел остаться, но что-то в ее лице заставило его поспешно последовать за ней.

– Похоже, все устали и сидеть дольше ни у кого нет сил, – сказала Елизавета и тоже встала из-за стола.

В коридоре ее догнала Мия и сообщила, что хотела бы еще немного посидеть с ребятами в их номере, выпить по капельке и поболтать: «Приду через часик и тихо лягу, не побеспокою». Эта девочка нравилась Лизе все больше. Вот только где Женя?

Женевьева не заставила себя долго ждать и вскоре пришла с горящими глазами и припухшими губами.

– Лиз, я влюбилась! Он такой... необыкновенный! Асканию! Помнишь, был такой герой Дюма? Арсений, такой умный! Он физик. Так интересно рассказывает. Прости, не смогу повторить, мало что понимаю в физике. Я не удивлюсь, если он станет великим ученым! – восторженно захлебывалась словами Женевьева.

– Конечно, как Курчатов! Опять любовь до гроба? Как и в прошлый раз, и до этого, и много раньше? – ворчала Лиза

– Нет! Не так... В этот раз все по-другому. Зануда! У нас к тому же будет еще время узнать друг друга получше. Целая неделя под одной крышей! – Женевьева любовалась на себя в зеркало поправляя макияж. – Он звал меня сейчас выпить с ними, но я решила немного отдохнуть, к тому же мне не интересны их детские секретки. Ты не волнуйся, мы договорились через часик пойти погулять в парк. Ты не жди. Ветер улегся, потеплело, может мы прогуляем до утра.

– А квест? Ты же так хотела выиграть приз!

– Конечно, я хочу выиграть! Ну, как я выгляжу?

– Прекрасно! Значит вы тут у меня посменно – через час придет Мия, и уйдешь ты?

– Да, верно! Пусть без меня посидят, они хотели еще выпить, что-то обсудить... Они очень дружные ребята! А Мия оказалась совсем даже не плохой девчонкой.

– Да, тактичная и хорошая.

Женевьева металась из угла в угол, в нетерпении, то смотрела в зеркало, то, что-то вспоминая, рассказывала Лизе, поправляя парик. Тихо приоткрылась дверь и вошла Миа нетвердыми шагами. Она помахала Жене и небрежно сбросила вещи со своего дивана на пол, неуклюже застеляя постель. Казалось, что шампанское полностью лишило ее координации в пространстве. Когда Лиза собралась уходить, Миа уже лежала на застеленном диване, проваливаясь в сон.

– Ну, я пошла. Спокойной! – перешла на шепот Женевьева и, подойдя к Мии, спросила ее. – Я верну тебе парик утром, ладно? По-моему, он мне идет! Это так классно не узнавать себя в зеркале...

– Конечно, – из глубины одеял и подушек высунулся синий хохолок Мии.

Слышно было, что в особняке все быстро разошлись по комнатам. Вечер был очень спокойным, только сначала что-то грохнуло за стеной, потом казалось, раздались тихие шаги за дверью, а вскоре, все как будто погрузилось в марианскую впадину, стало тихо, темно и прохладно.

Первыми мыслями Лизы, когда она проснулась, был ужас, что она потеряла свой конверт с заданием, но осмотревшись, увидела его на журнальном столике вместе с раскиданными

париками. Тихо встала. Наверное, вряд ли здесь кто-нибудь кроме нее просыпается раньше восьми утра. Чтобы не мешать девочкам, она тихо забрала конверт, спрятала его в сумочку к документам и пошла умываться.

На улице быстро светало. Через ветви старых лип в окно поглядывало солнце. И тут Лиза заметила нетронутое покрывало на кровати под балдахином. «Ну вот опять! Загулялась, наплевала на все!» – она вспомнила, как подвела ее Женя год назад, бросив одну в скучном санатории, где они планировали вместе провести отпуск. Потом оказалось, что она умчалась с каким-то ловеласом на Кавказ. Тогда она тоже уверяла, что это ее судьба, пока не узнала, что он женат. Настроение резко испортилось. Одна Мия сладко улыбалась во сне, как ребенок, вытянув худые ручки над головой.

Вдруг за дверью раздался душераздирающий женский крик. Лиза босиком бросилась в коридор. Кричала горничная, убирающая в холле.

Лиза не сразу поняла, что произошло, но вдруг увидела на полу Женю и похолодела. Та лежала, лицом вниз, одной рукой прикрывая голову. Ее было не сразу видно, потому что обзор был закрыт спинкой кресла от проходящих мимо по коридору. Рядом лежала мраморная статуэтка нимфы, испачканная кровью. Руки Жени, которыми она пыталась защищаться, тоже были в крови. Сползший в сторону парик, напоминал срезанный скальп, добавляя драматизма и без того страшной сцене. На затылке зияла глубокая рана. Кровь была везде – на руках со скрюченными пальцами, брызги крови были на диване, кровавые пятна и полосы исчертили весь пол вокруг. Она как будто пыталась ползти, цепляясь за пол, вслед за жизнью, утекающей с кровью.

Хоть лица и не было видно, но у Лизы не оставалось сомнений, что это Женя. Она бы узнала подругу, даже издалека, по силуэту в толпе, по легкой походке, по голосу. Это была безусловно она.

В душе Лизы все перевернулось. Первые мысли были о себе, жалея себя, она остро ощущала душашее ее одиночество. Как, как она будет жить дальше?! Одна! Без подруги ей не с кем будет поделиться сокровенным. Не с кем будет постоянно спорить! Даже когда Жени не было рядом, Лиза и тогда чувствовала ее поддержку, теплое участие. Когда нужно было что-то решать, всегда спрашивала у нее совета, хотя и часто делала потом все наоборот. Как теперь жить?! Следующая мысль, которая пришла к ней в голову, была мысль о том, кто мог убить ее подругу. Кому она могла мешать? Чья черная злоба лишила жизни такую замечательную девушку? Слезы уже капали с подбородка на грудь, щекотали нос.

– Кто посмел сделать это? Она никогда никому не мешала. Приносила только радость и свет! За что? Она была так прекрасна! Все любили ее! – Лиза не заметила, как упала на колени возле своей подруги и гладила ее по руке, и как тихо вокруг нее собрались все игроки, услышавшие шум, и замерли в ужасе. Конечно, она сразу поняла, что это не скальп, а парик, лежащий рядом, весь в крови. Было похоже, что от сильных ударов парик сполз на пол, а Женьевева закрывала голову – надеясь спастись, уползти, но потом ее добила последним, сильным ударом.

У стены замерла горничная, которую Женя назвала «дракон», и переводила тяжелый взгляд исподлобья с одного гостя особняка на другого. Ей, как и остальным, вдруг стало ясно что девушку убил кто-то из них. Действительно, посторонних тут не было. В особняк проник ужас и недоверие, как холодный осенний сквозняк, сорвавшийся с окружающей обстановки яркий праздничный флер. Все вокруг стало казаться какой-то линялой картонной декорацией к фильму ужасов.

– Отойдите! Ничего тут не трогайте! – Лев Павлович, обняв за плечи Лизу, старался усадить ее в кресло под пальмой. Его было трудно узнать – в ярком тренировочном костюме, с накрученным на шею полотенцем, и неопрятной щетиной на подбородке. Было видно, что он, собиравшийся на пробежку, но, как и остальные, пришел на крик.

– Я уже вызвала полицию, – сказала женщина-дракон с ярко-красными губами и безупречной прической, кажущимися неуместными с утра пораньше, как будто она не спала всю ночь. Позже, выяснилось, что звали ее Ангелина.

– Хорошо. Вы с Харитоном оставайтесь здесь дежурить, а всем остальным нужно пойти в буфетную, для начала выпить кофе, – Лев Павлович действовал как командир корабля, попавшего в шторм, и никто не смел с ним спорить. Лиза пошла за ним, не потому что хотела есть. Нет, есть она совершенно не могла! Но она боялась остаться возле тела, которое уже не было ее подругой. Это она с особенной ясностью почувствовала, дотронувшись до ее холодной руки. Про себя она отметила, что откуда-то появился Харитон, но не было видно ни Арсения, ни Мии, которая скорее всего, еще спала как младенец. Отсутствие Арсения наводило ее на тревожные размышления...

Идущая впереди Ирэна в совершенно неприличном пеньюаре, старалась всячески привлечь к себе общее внимание, она закатывала глаза, как будто падает в обморок и хваталась за супруга.

– Когда я увидела эту кровь... Я так испугалась, так испугалась! – она вытирала несуществующие слезы краем пеньюара.

Только Эмма Генриховна была совершенно спокойна, как будто она ежедневно до утреннего кофе видит трупы. Она, задумавшись смотрела на окружающих, и не к месту загадочно улыбнулась. Ей вдруг показалось, что она увидела в зеркале смутный овал лица Агаты Кристи с известного портрета.

Тогда никто не мог предположить, что это только начало страшных событий в этом готическом особняке.

3. Первые допросы

Большая часть событий прошла мимо Мии, которая проснулась, только когда Лиза, вся заплаканная, вернулась в номер. Поэтому Лизе самой пришлось сбивчиво рассказывать о смерти подруги, бередя еще совсем свежую рану.

– Как я теперь буду без нее? И кто это мог это сделать? Так жестоко! Столько крови! Бедная Женья! – не переставала всхлипывать Лиза. – Может Арсений? Ведь именно к нему на свидание собиралась Женья. Они должны были гулять в парке, но как она тогда оказалась здесь, одна?

– Как ты можешь так говорить! Ты же совершенно не знаешь Арсения. Это очень порядочный парень, скромный и трудолюбивый. Все думают, раз красавец, значит ловелас и прохвост! – искренне возмутилась Мия.

– Знаешь, а мне кажется, что в вещах кто-то рылся... – Лиза растерянно смотрела на чемодан подруги. – У Женьевых всегда все в идеальном порядке, а тут, смотри брючный ремень и края одежды выглядывают из чемодана. Хотя, конечно, она потеряла голову и очень торопилась к Арсению. Да, вот и у меня тоже книга лежит сверху вещей, а я ее еще не доставала, и она лежала на дне чемодана. Странно. Кто мог тут рыться? Горничная? Очень неприятная особа. Или я уже все придумываю? У страха глаза велики!

Вдруг раздалось, уже ставшее привычным, шуршание в спрятанном на стене микрофоне:

– Уважаемые господа, всем необходимо собраться в гостиной для дачи показаний следователю, – голос Льва Павловича уже звучал уверенно и спокойно. Шуршание в эфире стихло.

Обстановка в гостиной ничем не напоминала вчерашний праздничный ужин, жирандоли были убраны на каминную полку, ярко горел верхний свет, а за столом сидели двое незнакомцев. Они рассматривали какие-то бумаги, разложенные перед ними веером. Игроки квеста стояли вокруг стола, не решаясь сесть, все, кроме Эммы Генриховны, для которой Лев заботливо придвинул кресло. Она сегодня была в коричневом кардигане, коротких клетчатых брючках и с большой камеей на груди. Казалось, она витает где-то далеко и все происходящее ее мало занимает. Носком изящной туфельки она чертила что-то невидимое на паркете и не поднимала глаз.

– Здравствуйте, товарищи, – по старинке начал главный из вновь прибывших, неуклюже приподнявшись в кресле и кивнув игрокам. – Произошла трагедия и мы должны мобилизовать все свои силы, чтобы виновный был наказан. Для начала мы предпримем целый ряд стандартных действий. Присаживайтесь господа.

«То товарищи, то господа! Странно. Если он будет так же хаотично заниматься расследованием, то справедливости нам не видать», – Лиза изначально предвзято отнеслась к следователю. Ей не понравилось в нем все – и этот мятый, выдавший виды костюм с несвежей рубашкой, столь же помятое лицо, обрамленное стыдливо отступившими со лба волосами, и светлые бегающие глаза за стеклами очков.

Особого внимания заслуживали его руки, худые, с длинными пальцами, жившие отдельной жизнью в предоставивших им излишнюю свободу неряшливых манжетах. Они металась по столу, не зная где обрести покой, то складывая бумаги стопкой, то поглаживая записную книжку в коричневом переплете, то взлетали поправить очки и потерять нос. Лиза когда-то слышала в институте, что потирание носа – это жест лжи. Что же скрывает он них этот щуплый человек? Свою бездарность? Беспомощность?

– Простите, я не представился, – быстрый прямой взгляд и глаза снова взгляд вниз. – Я следователь и буду вести это дело. Зовут меня Антон Семенович Шурыгин. Моя задача поговорить с каждым из вас для установления обстоятельств смерти девушки. А ваша – досконально вспомнить все события вчерашнего вечера и ночи.

– Женевиёвы, – раздраженно уточнила Лиза. – Она звала себя Женевиёвой, хотя по паспорту была Евгенией, Женей. Это же убийство! Почему бы нам сразу не посмотреть фактам в лицо?

Выступившие слезы на глазах мгновенно высохли, и лицо Лизы стало гневным. Вопреки ее ожиданию, следователь не вступил в спор с ней, а помрачнел и мягко повторил за ней:

– Да убийство... Хотя, фактов чтобы судить об этом, еще недостаточно. В холле работают эксперты, важно им не мешать. Сейчас всем нужно разойтись по своим комнатам, а подружку убитой я попрошу остаться для разговора. Да, еще хочу вам представить мою правую руку – оперативного сотрудника Сергея Малькова, он возьмет на себя труд пригласить вас для разговора, – и Антон Семенович указал на полного молодого человека в бесформенном бежевом свитере и тугими кудряшками на светлых волосах. Его легкомысленному виду не соответствовал жесткий взгляд серых глаз.

– А как же квест? – некстати встряла Ирэна.

– Как вы можете сейчас об этом думать?! – Лиза была возмущена до глубины души.

– Не будем ханжами, но этот вопрос может интересовать не только уважаемую Ирэну Васильевну, но и всех нас, – проскрипела и закашлялась Эмма Генриховна, а Лиза с негодованием глянула и на нее.

– Я, как главный ведущий и организатор квеста предлагаю отложить начало квеста, на завтрашнее утро. Как вы считаете, Антон... эээ... Савельевич, сможем ли мы завтра беспрепятственно попасть в разные помещения особняка, как того требуют условия квеста?

– Семенович!

– Что?

– Я Антон Семенович! – неожиданно голос следователя стал стальным, как нож, отрезающий короткие фразы. – Надеюсь. Хотя, сейчас что-либо трудно обещать. Но предполагаю, что очень возможно, что вы завтра сможете продолжить свои игры. Главное никому не покидать пределов здания.

– А гулять, дышать воздухом можно? «В пределах забора» замка? – Ирэна пыталась подтрунивать над представителем власти. Она демонстративно достала сигарету и стала разминать ее, а Лев сморщил рот куриной гузкой и замахал руками, показывая, что здесь не курят. Ирэна курить и не собиралась, просто ее все раздражало, и она бросала им вызов, этим серым людишкам, не добившимся ни в чем успеха, в отличие от нее.

– Да, думаю, что да... – сосредоточившись на чем-то другом задумчиво ответил следователь.

– Вы хотели со мной поговорить? – Елизавета с неприятным скрежетом отодвинула стул и обреченно села напротив следователя, когда все вышли из гостиной.

– Да, ваше имя? Фамилия? Расскажите, что вас связывало с Евгенией.

– Я Елизавета Юрьевна Бубенцова. Познакомились мы с Женей еще на первом курсе филфака, но потом она ушла в другой вуз изучать финансы. На какое-то время мы расстались, может и забыли бы о существовании друг друга, если бы ей не потребовался перевод с немецкого. Тогда она вспомнила обо мне. Она прекрасно знала английский, а немецкий – нет, и хотя у меня немецкий был в вузе вторым языком, и я знаю его в совершенстве. Работы было много, но она и хорошо заплатила мне за перевод. Сначала я не хотела брать деньги, но оказалось, что она работает в фирме, успешно торгующей чем-то с Германией и заказ исходил от них. Поэтому деньги я, как вы понимаете, взяла. Потом, когда я уже закончила вуз, она меня несколько раз приглашала как синхрониста-переводчика на переговоры. Качество моей работы удовлетворило компанию, и я получила предложение пойти к ним работать. С этого момента мы стали чаще видеться, и наша прерванная дружба вспыхнула с новой силой. С тех пор мы стараемся часто проводить вместе уикенды и иногда даже отпуск. Нас объединяет то,

что мы обе молоды и успешны, не замужем и без детей. Много общих интересов, нам хорошо вместе. Было... – подбородок Лизы снова задрожал.

– Паспорт у вас с собой?

– Конечно, в номере. И мой и Жени, это условие квеста.

– Расскажите о семье Евгении.

– Семья как семья. Ее папа был очень успешным в бизнесе, это именно он уговорил ее бросить филологию и уйти в экономику и финансы. Мама была домохозяйкой, но в последнее время у нее обнаружился талант к живописи, и ее картины неплохо продаются. У Жени еще есть младший брат, но она с ним не ладит. Он избалованный разгильдяй, недавно бросил вуз. Перебивается временными заработками. Родители в нем души не чаяли, и вот результат! А сейчас, когда папа заболел, была одна надежда на Евгению... Для лечения нужны деньги и большие! Вроде она их собрала...

– А у вас есть братья-сестры? – Антон Семенович не знал, как деликатно расспросить ее о семье.

– Нет. Я живу вдвоем с мамой.

– А ваш отец?

– Мама овдовела, когда я была на первом курсе института, это был мой отчим, с которым мы отлично ладили. А своего отца я даже не помню, мама говорила, что он рано погиб в экспедиции то ли до моего рождения, то ли когда я была в младенчестве.

– Теперь расскажите о вчерашнем вечере. Как Евгения оказалась в холле? Что она там делала? С кем встречалась?

– Не думаю, что Женькина одобрила бы мою болтливость.

– Ваше молчание мы будем рассматривать как препятствие следствию! Или вы заинтересованы в том, чтобы убийца не был найден? – взгляд следователя, как кинжал воткнулся в глаза Лизы по самую рукоятку, и она покрылась мурашками.

– Я все расскажу, – тихо начала Лиза. – Женька была очень влюбчива. Она жила как мотылек, не задумываясь о последствиях, и вот они и погубили ее. Она постоянно влюблялась, и чаще в мужчин, не заслуживающих внимания, недостойных. Они были или женаты и намеренно обманывали ее, хотя тоже часто были без ума от нее, или в жуликов, или в людей, рассчитывающих на ее помощь в карьере. Корысть, вот что двигало многими из них. Но потом наступало прозрение. И если раньше Женя прозревала не очень болезненно, то сейчас она считала себя брошенной и рыдала по несколько дней, а потом шла «выбивать клин клином». Ее как будто охватила агония, она чувствовала, что годы уходят, а мы моложе не становимся. Женя была как магнит для альфонсов, они чувствовали ее слабость и доброту.

– Это имеет отношение к событиям прошлого вечера?

– Да, конечно. Вчера вечером она снова потеряла голову, на этот раз увидев этого парня – Арсения, красавчика. Он тоже заметно запал на нее. Она даже сравнивала его с Асканио из романа А. Дюма. Тот тоже был молодым красавцем.

– Давайте короче.

Лиза обиделась и вообще расхотела рассказывать дальше, но решила, что найти преступника важнее, чем собственные амбиции. И продолжила:

– Так вот, с этим Арсением они должны были вчера встретиться и пойти гулять в парк. Странно, но пальто она не взяла. Может собиралась потом зайти? Может, пока она ждала его в холле, он ее и ударил? Хотя почему? Не понимаю...

– Наша задача в этом разобраться, – закашлялся Антон Семенович. Сергей Мальков нашел графин с водой на сервировочном столике и принес его со стаканом начальнику.

– Благодарю, продолжим.

– Вы зарабатывали столько же сколько Евгения? – вдруг подал голос оперативник, налив воду в стакан, и впился в нее глазами.

– Конечно нет. Я была переводчиком, а она в топ менеджменте компании. Когда я к ним пришла, она уже занимала должность финансового директора.

– Вы пока можете идти отдыхать. Только распишитесь здесь. Вам пока нельзя покидать этот особняк, – следователь протянул ей бумагу на подпись.

Лиза встала и медленно вышла из гостиной.

– Ну, что вы думаете, Сергей? Как вам кажется, может здесь присутствовать мотив ревности, зависти? – Антон Семенович внимательно посмотрел на оперативника, как смотрят на людей, с мнением которых считаются и уважают. – Знаете, как бывает? Одна успешная, другая нет. Одна пользуется успехом у мужчин, другая – не очень. Вот и копится, и растет черная зависть. Нужен только маленький толчок, триггер, и поток неконтролируемой ненависти захлестнет и похоронит всех вокруг.

– У меня создалось впечатление, что она что-то скрывает. Вещь в себе. Закрытая девушка, строго контролирующая свои эмоции, даже сейчас... А такое убийство совершено эмоциональным человеком, и как мне кажется, спонтанно. Орудие убийства не было приготовлено заранее, значит, он не собирался убивать. Удары наносились тем, что попало под руку, статуэткой нимфы, которая стояла рядом.

– Пожалуй... Посмотрим. Кого пригласим следующего?

– Может эту «миссис Аддамс», горничную, – пошутил Сергей.

– Нет, вызывайте Арсения.

4. В библиотеке

Пока следователи допрашивали Лизу, Лев Павлович с Харитоном оборудовали комнату, под офис для поведения дознания. Гостиная была нужна для квеста, к тому же пришло время там сервировать обед. И если в завтрак еще можно было обойтись тостами с ветчиной и сыром в буфетной, то обед требовал серьезной подготовки.

Выделенная комната была библиотекой, с высокими старинными стеллажами книг по стенам, маленькими окошками и явным дефицитом мебели. Вдоль свободной от стеллажей стены стояли кресла, обитые вытертой кожей и небольшой кожаный диван с блестящими заклепками, в углу – старая деревянная стремянка. Двух имеющихся конторок, по разные стороны от входа, было явно недостаточно для «осуществления следственных действий». Поэтому мужчины, Лев и Сергей, принесли небольшой столик из одной из свободных спален. Столик приставили к креслам, придвинули к нему одну конторку и стало гораздо удобнее.

Именно за эту конторку и пригласили Арсения. Парень явно чувствовал себя не в своей тарелке. Хотя время уже приближалось к полудню, он выглядел невыспавшимся и растерянным. Спутанные темные волосы все время падали на высокий лоб, и ему приходилось постоянно их убирать за ухо. Действительно, все в нем казалось совершенным, и пропорции высокой фигуры и черты лица с огромными черными итальянскими глазами и густые кудри на голове. Только вокруг глаз залегли сиреневые синяки, возможно от интенсивных вчерашних возлияний, о которых говорил и явно помятый вид юноши. Предупрежденный, он сразу протянул паспорт, который был присоединен Сергеем Мальковым к двум другим, уже лежащим в прозрачной папке.

– Ваше имя?

– Арсений Дмитриевич Гросман, – решив не выказывать своего раздражения, терпеливо ответил Арсений, но подумал: «Перед вами открытый паспорт, что нельзя посмотреть?»

– Подробно расскажите о том, как вы провели вчерашний вечер.

– Что там можно рассказать? Все, как у всех. Поужинал, пришел в номер, добавили еще с Михой и Мией и вырубился прямо на диване. Проснулся, когда все уже шумели в коридоре, – раздражение выплескивалось помимо его воли, в движениях и мимике. Конторка явно была ему тесна, он развернулся и вытянул ноги в белых кроссовках в сторону.

– Что значит добавили? Поясните, – решил уточнить следователь.

– Выпили еще. Миха захватил с собой запас спиртного, чтобы не заскучать на этом стариковском квесте.

– Говорят, вы собирались встретиться с убитой? С Женеьевой?

Арсений резко изменился в лице, гримаса боли исказила его, лишив красоты и безмятежности. А потом он стал мрачен как грозовая туча:

– Да, я виноват! Я заснул. Как только Мия ушла, я заснул. А Миха не знал, что я договорился о свидании, я скрыл это от него. У нас не принято болтать о победах. А она явно на меня запала. И мне она очень понравилась. Необыкновенная девушка, королева! Одно имя чего стоит – Женеьева! Мне даже показалось, что я влюбился. И заснул! А если бы я не заснул, она была бы жива! – и он зашмыгал носом, пытаясь скрыть выступившие слезы.

– Не показалось ли вам что-то подозрительным? Во время обеда? Или какие-то звуки ночью? – вставил словечко Сергей.

– Еще до обеда был страшный грохот, но я не обратил на него внимания. Он был где-то в районе рекреации.

– Холла?

– Это одно и то же, – резко вскинулся парень, снова уронив длинную челку на лоб.

– Нет, наверное, этот грохот для нас не важен, он был днем. А ночью?

– Я же сказал, что нажрался как свинья! И спал! – снова сорвался Арсений. – Простите. Я ничего не слышал.

– Значит ничего необычного не происходило?

– Ничего! Ах, да! Если не считать ссоры девочек. Был всего один одноместный номер, туда поселили старуху, а Женеваева очень не хотела, чтобы к ним с Лизой подселили Мию и сцепилась с этой... горничной. Перья летели. И назвала ее как-то ... обидно. А, драконом! – он усмехнулся, показав ровные белые зубы. – Девчонки-то потом поладили, даже слышен был смех из их номера, а эта мегера, может, и затаила... А ведь верно! Как мне это не пришло в голову! Она ведь и нашла ее! Может они снова сцепились?

– Мне никто не сказал об этой ссоре.

– Забыли, наверное.

Арсений был отпущен, подписав документы. А Антон Семенович погрузился в свои мысли. Сергей не хотел его отвлекать и прошел по скрипучему паркету к книжной полке, рассматривать корешки книг в библиотеке. Он думал, что опытному следователю, который пользовался славой самого мозговитого следователя в их отделе, уже открылись все тайны, или вот-вот откроются, главное, ему не мешать.

Но Сергей глубоко заблуждался. Антон Семенович думал совершенно о другом, о несправедливости этой жизни, в которой одним достается все, а другим – ничего. Этот безупречный Арсений полностью испортил ему настроение. Яркий, любимец женщин, видимо и не бедный, раз может позволить себе участвовать в таком квесте! Но больше всего его поразили эти жемчужные зубы, осветившие все его лицо. Антон устал постоянно лечить свои желтоватые зубы. Они были для него источником постоянного беспокойства, то нестерпимые боли, то флюсы, а выглядели они просто ужасно, сколько он их ни чистил, зубы становились все темнее, и налезали один на другой. Он сморщился, думая об этом. А Сергей, который уже давно сидел возле и наблюдал за выражением лица своего шефа, совсем не так его понял:

– Считаете, что он? Он так импульсивен. Раздражителен. Легко мог ударить! К тому же был пьян. А! Он еще пытался переводить стрелки на горничную.

– Нет. Хотя не знаю. Еще рано выносить суждения, – вяло отвечал застигнутый врасплох Антон Семенович. – Но уже пора допросить горничную. Позовите ее пожалуйста.

Сергею показалось, что начальник что-то нащупал и поэтому стал еще более скрытен, старается тихо шептать, чтобы никто не услышал. А на самом деле тот старался говорить, как можно меньше приоткрывая рот, через узкую щелку, чтобы не было видно его зубов.

Когда Сергей вышел, Антон Семенович резко вскочил и задумчиво двинулся вдоль стеллажей, но книги его не интересовали, он искал зеркало. Зеркал в этой библиотеке не было, ни одного.

– Вот, годиться! – он увидел отполированный до блеска латунный диск, в центре которого крепилось бра с хрустальными рожками. Внимательно посмотрел на свое отражение с огромным носом, искаженное выпуклым изгибом поверхности, пригладил редкие волосы и оскалившись посмотрел на зубы. И прошептал. – Ладно. С лица воду не пить!

Внезапно дверь распахнулась и прямо с порога Сергей закричал:

– Горничная пропала!

– Как пропала? Она же знает о подписке о невыезде!

– И тем не менее, ее нигде нет. Сбежала! Это равносильно признанию! – глаза оперативника горели, казалось, он вот-вот сорвется куда-то.

– Тогда зовите молодоженов, сначала его. Как его зовут?

– Не помню, сейчас позову.

Иван Арнольдович уверенно вошел в библиотеку, осмотрелся и вальяжно сел в кресло, рядом со следователем. Антон Семенович в его присутствии сразу ощутил дискомфорт. А уж сидеть рядом, сворачивая шею, чтобы посмотреть на него, было крайне неудобно. А вдруг он

станет заглядывать в тайные записи, которые следователь вел карандашом, отмечая самое главное? Ну уж нет! Пришлось пересестись за конторку, захватив все бумаги. Столик, принесенный специально для него, Антон явно невзлюбил и отодвинул его подальше к стеллажам с книгами.

– Я вас слушаю, – Иван Арнольдович сразу пытался перехватить инициативу в разговоре.

– Расскажите подробно о том, что вы делали вчера, – проигнорировал его напор следователь.

– Мы с супругой поужинали вместе с остальными игроками. Нужно отметить, что ужин удался. А потом мы ушли к себе в номер и до утра никуда не выходили. Ничего интересного.

– А до ужина?

– До ужина мы с Ирэн решили немного пройтись по парку. Мой врач посоветовал моцион. Сердчишко, знаете ли, барахлит. Но погода была неприятная, и мы быстро вернулись.

– Ничего особенного не заметили?

– Разве только удивило, что этот программист, Харитон, вроде, уехал в самом начале квеста. Это было нелогично. А когда вернулся – непонятно, но утром уже был тут. Странно...

– Ну, ну, – Антон Семенович задумчиво смотрел в окно, откуда было видно только кусочек голубого неба, чертя какие-то закорючки на листе. Похоже погода устанавливается.

Вдруг в дверях появилась бородастая физиономия:

– Можно?

– Заходи-заходи, Александр Петрович!

– Мы все собрали. По предварительным данным девушку убили около двенадцати ночи, тремя ударами тяжелого предмета по затылку, плюс-минус полчаса. Орудие убийства нашли возле тела, это мраморная статуэтка.

– Дриада?

– Что?

– Статуэтка дриады.

– Возможно. Приехала скорая. Отправляем тело?

– Да, конечно, – Антон Семенович собрал бумаги стопкой, и нехотя встал из-за конторки, где он почувствовал себя очень уютно. Она напоминала ему парту, за которой он учился еще в сельской школе, до третьего класса. Там был удобный желобок для ручки и ямка для чернильницы, хотя тогда он уже писал шариковой ручкой. Или нет, чернильной, поршневой? – Иван Арнольдович, благодарим вас, оставьте свой паспорт, мы позже его вам вернем. Не покидайте, пожалуйста квест и, если что-то вспомните, пожалуйста, поделитесь с нами.

Криминалист, одновременно с Иваном Арнольдовичем, двинулся к выходу, и они столкнулись у двери, где приветливый бородач широко распахнул дверь, пропуская молодожена вперед. Тот, приосанившись и не оборачиваясь, проплыл в коридор, куда уже распространялись волнующие желудок запахи из гостиной. Предобеденная суeta казалась хаотичной, несмотря на то, что она была подчинена строгой логике. Каждый из обслуживающих квеста занимался своим делом, а гости разошлись по комнатам.

На первом этаже, в кухне, повар колдовал у огромной кастрюли с супом, а его помощница, Клавдия Степановна, тихо обсуждала с официантом порядок и время подачи обеда. Они были немного смущены тем, что количество народу в особняке все прибывало, а продуктов никак не хватало, чтобы накормить всех. Клавдия Степановна, дородная дама лет пятидесяти, растерянно загибала пальцы считая присутствующих в доме:

– Экспертов двое, оперативник, следователь... Итого четверо. Нет! Будем считать, что их нет. Если они не уедут, напоим их кофе с булочками. Я напеку их побольше.

Высокий и пузатый официант-касатка с блестящими зализанными назад волосами и длинным носом равнодушно пожал плечами. Его совершенно не волновало все происходящее вокруг, он только прикидывал сколько нужно еще подхалтурить, чтобы в этом месяце заплатить кредит. Или хотя бы в следующем...

А повар был не очень похож на поваров, как мы их себе из представляем, он не был толст и закутан в белое, нет. Это был высокий спортивный мужчина в зеленом переднике и такой же бандане. Его мускулистые волосатые руки скорее могли бы принадлежать борцу, чем повару. И тем не менее, организаторы квеста считали его самым своим лучшим приобретением. Не из-за большого количества его побед на конкурсах и дипломов, а потому, что, он действительно прекрасно готовил, не выпендриваясь, и не требуя запредельного бюджета на закупку провизии. Небольшой проблемой стало то, что Кирилл, как звали повара, был категорически против Клавдии Степановны и отказывался с ней работать. А ее наняли раньше, и она была чей-то родственницей, поэтому ее невозможно было уволить. Может он хотел привести своего сушефа? В это никто вникать не стал, просто пришлось немного повысить его оплату.

Вопреки ожиданиям они очень быстро сработались. Наверное, Кирилла покорили пирожки и десерты, которые пекла повариха. Они были необыкновенны, как из детства! По образованию она и была кондитером. А Кирилл, по слухам, – инженером-электриком. Так что сейчас между ними воцарился полный мир и взаимопонимание.

С левой стороны гостиной, за поворотом коридора была железная дверь, за которой была святая святых квеста – царство Харитона. Комната была полна оборудования: на большом столе стоял новый компьютер, на стене над ним – экраны, показывающие пространство возле входа, за особняком, возле ворот и вокруг дома. Внутри особняка камер не было – соблюдалась приватность. Какие-то непонятные железные ящики, экраны, пульт управления, как у сверхзвукового лайнера, все это невольно вызвало уважение у вошедших сюда полицейских.

Но, увы, пробыв здесь более сорока минут, им не удалось выяснить абсолютно ничего интересного. Никто в особняк не заходил и не выходил за это время, а сам Харитон вернулся в двадцать один тридцать, что сразу заставило внести его в число подозреваемых. А подозреваемыми на этот момент были почти все. Пока ни у кого не было надежного алиби.

Выяснилось, что так внезапно Харитон вынужден был уехать, потому что его вызвал сосед из квартиры ниже этажом, на которого что-то текло. Оказалось, что сосед преувеличил, не текло, а слегка подкапывало. Перекрыли трубу и можно было спокойно вернуться.

– Этот сосед – сплошная головная боль! Вечно его что-то не устраивает! То боролся с моей собакой, теперь, вот – капает. Что будет, если я приведу жену? – рассмеялся парень.

У следователя осталось очень приятное впечатление об этом парне, технаре, мастере на все руки. Очень трудно было его представить с окровавленной статуэткой в руке, наносящем удары беззащитной девушке.

5. Магия букв

Антон Семенович не был тем человеком, который с детства мечтал быть следователем и распутывать загадочные преступления, нет.

Он плохо помнил свое раннее детство. Помнит только постоянное чувство холода, замерзшие руки, зимой с цыпками и жгучий стыд из-за одежды, в которую рядила его мать. Она вязала ему какие-то нелепые капоры, в которых он был похож на девчонку и покупала клетчатые пальто на вырост. Это в то время, как другие ребята ходили в ярких курточках. Когда он немного подрос, он догадался на подходе к школе снимать шапку и прятать ее в карман, чтобы не потерять. Мать любила его, заботилась о нем, но это было только хуже. Он ненавидел, когда она его встречала у школы и пыталась поцеловать при всех, как маленького. Примирило с жизнью только то, что в школе над ним не издевались, просто совсем не обращали на него внимания, как на пустое место.

Иногда он даже хотел, чтобы его заметили, пусть бы даже обозвали, ударили! Но только не так – как будто его вовсе нет. Мальчик-призрак. Но он вскоре привык к этому и, к классу шестому уже чувствовал себя комфортно, воображая себя супергероем человеком-невидимкой.

Властная мать всегда знала лучше всех в семье, что кому и как делать. Отец тоже никогда с ней и не спорил. Антон уже плохо помнил его. Закрыв глаза, только видит его худые плечи за столом, в голубой, несвежей майке, как он, ссутулившись ест суп, временами чавкая, если юшка горячая, громко втягивая ее в себя. Он пытался с сыном запускать змея, ходить на футбол, но видя, как сын мучается, не любя все это, отстал от него. Вскоре, казалось, он полностью забыл, что у него есть сын. А потом его не стало. Болезнь рано унесла его в могилу. «Сгорел на работе», – сказала мама, утирая слезы. А Антон чувствовал угрызения совести оттого, что испытывает облегчение, что больше не видит сутулую спину вечно страдающего, измученного работой и женой отца. Пока он был жив, Антон все время переживал за него и думал, не сам ли он является источником бед отца. Ему казалось, что отец смотрит на него с каким-то скрытым вопросом, и чувствовал, что должен ответить что-то. Но что?

У него были совершенно другие увлечения, чем у остальных ребят. Он часами мог рассматривать муху под лупой и представлять ее огромным существом, рядом с уменьшившимися людьми. Пытался нарисовать эту страшную сцену. Рисовал он неплохо. То думал о боге, хотя знал, что мама это не приветствует. Он надеялся, что если долго смотреть на облако, особенно на его освещенную кромку, то можно увидеть бога, который спускается с облаков к людям. Вот спустится он и спросит: «Антоша, что ты хочешь в жизни? Кем станешь? Чем тебе помочь?». А ему и нечего ответить, тогда бог разгневается и накричит на него!

Да, он не любил подвижных игр, не любил бегать с мальчишками с мячом по двору, не любил, как Пашка, писать непотребные слова на заборе строящегося дома. Он очень страдал, когда мама силой вручила ему кулек леденцов и надписанную мамой книжку и отправила на день рождения к соседскому мальчику. Она все не теряла надежды познакомить Антошу с приличным другом. Ему удалось спрятаться в соседней комнате, пока дети громко визжа, с завязанными глазами, срезали карамельки, маленькие игрушки и разноцветные ластик с растянутой поперек комнаты веревки. Он сел возле книжной полки, и, найдя яркий журнал, увлекся рассматриванием фотографий с животными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.